

Почему фотографии, например, Владимира Вяткина представляя нам современное искусство, по-прежнему имеют как смысловую нагрузку, так и эстетическую ценность, при этом не выходят за рамки этических норм? А если возьмем другого фотохудожника, чьи работы на первый взгляд обладают изумительным вкусовым чувством, но так далеки от норм, которые приняты в обществе. Sally Man – американская фотохудожница, одна из главных тем ее собственная дочь и ее друзья, но как сильно она не права, когда раздевает детей в возрасте 8-12 лет перед камерой и заставляет их позировать? Или возьмем Брюно Дьюдонне (Франция) с серией его фотографий «потерянные», которые так сильны по технологическим параметрам, но так слабы по смысловой нагрузке... Или же фотожурналиста Олега Кулика, который в своих сериях работ – война, выносит очень политичные проблемы, которые не должна решать фотография, а в другой серии – женская линия, мы удивляемся тому, как уродлив может быть предмет восхищения всех времен.

Если постепенно разбирать каждый из жанров искусства, будь то танец, или видеоинсталляция, живопись или кино, мы везде-везде получим изменения как в эстетическом, так и этическом аспекте на протяжении современного времени.

Очень многие вопросы остаются открытыми такие, например:

Кто говорит, что та или иная трансформация в искусстве приемлема, а другая нет?

Существуют ли вообще в современном искусстве этические нормы дозволенного?

Кто ответственен за эстетическую нагрузку в произведениях искусства?

И самый интересный вопрос – а судья есть?

Д. А. Безуглов
УрГУ им. А. М. Горького

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС НЕВРОТИКА В РАБОТЕ КАРЕН ХОРНИ «НЕВРОТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Разграничение между стремлением достичь удовлетворения при помощи сексуальных перверсий и в принципе невротическим

желанием достигнуть высокого статуса, не будучи уличенным в активных действиях, достаточно сложно произвести. Невротический субъект стремится реализовать себя, но за счет чрезмерного развитого инструмента подавления любых личностных проявлений крайне боится совершать хоть какое-то действие, опасаясь огласки в случае предполагаемой неудачи. Индивид, ищущий лакомого удовольствия в мазохистских практиках, также не жаждет огласки. При этом видимое в обоих случаях претерпевание, безусловно, превалирующее над свершением, в чистом виде проявляется исключительно в болезненных перверсивных практиках.

Невротическая модель поведения на самом деле направлена на успех существования субъекта. Пытаясь отделить самое себя от действительности на словах, обособив и обозначив свою слабость в сфере языка – в сфере внешних проявлений, на деле индивид совершает попытку растворения в ней. По случайности достигая некоторого удовлетворения, индивид способен испытывать радость обладания желаемым, но в случае неудачи серьезного расстройства не наблюдается: благодаря изначальной ориентированности субъекта на свое невероятно низкое положение в действительном обществе и перманентное ожидания горя и неудачи.

Данный поведенческий механизм проявляет себя в глобальных масштабах в самом универсуме свершения/претерпевания. Индивид, а вслед за ним и социум, ориентирован на получение благ – в силу того, что капиталистическая система промоутирует блага и удовольствия, постулируя их абсолютную необходимость для любого отдельно взятого человека – но, в отличие от так же постулируемой модели погони за благами, выбирает горестное недеяние. Максимальный отказ от ответственности за совершенные поступки, постоянное оправдание бесполезности собственного существования при помощи деперсонализации собственного Эго оборачиваются действенными механизмами получения желаемого.

Рассредоточенность и децентрализованность желаний невротического индивида позволяют им избегать помещения в лингвистические кластеры, предложенные структурирующим языком, – они настолько смутны и, на первый взгляд, не оформлены, что их сущность оказывается неизымаемой никакой властной институцией. Желания общего порядка, касающиеся удовлетворения базовых потребностей, как-то: достижение социального статуса, нахождение сексуального партнера и проч. – с большим трудом им

идентифицируются, не имея реального статуса, либо же они усечены за счет, по сути, социализации, брошенной индивидом на половине пройденного пути. Не давая возможности системе похитить хоть какое-то желание и сделать его недостижимым барьером, привлекающим индивида, субъект находится в несколько диссоциированном состоянии. С другой стороны, данные безусловные плюсы практически полностью аннулируются тем, что субъект стремится не только к десоциализации, но и к личностному растворению. Идеальный итог его жизни, связанный с отсутствием ответственности и получением удовольствия, достижим полностью лишь при отказе от собственной личности. Однако общество, навязывающее диктат индивидуальности, плохо сочетается с желанием эту индивидуальность потерять. Между тем в самом обществе происходит подобный процесс: заявляя безусловную власть отдельной, харизматичной, волевой, сильной личности, само общество, промодулируя подобный образ, не только практически не позволяет подобным личностям реализоваться, но и сподвигает участников социума на обезличенность их безрадостного существования: чем меньше ты пытаешься проявить себя, создавая что-то новое, и чем больше ты следуешь за маркерами наслаждений, заставляющих тебя участвовать в общественной жизни, тем лучше для самой структуры.

В массе своей люди находятся в неловком положении: они поставлены перед фактом того, что при помощи своей личности, харизмы и уникальных черт характера способны достигнуть положительных результатов, а на деле оказывается, что предлагаемое счастье вместе с необходимыми силой духа и уникальностью оказываются пустыми понятиями, которые формируют рабочий поток участников общественного труда. В том же случае, если из форм изреченных человек выбирает не счастье, а горе, помимо внутренней нестабильности, повторно обнажающей неестественность его и общественных устремлений, слегка прикрытых культурным оправдательным манифестом, он приобретает уверенность в том, что он ничего не достигнет – но, духовно развоплощаясь и принижая себя до уровня, не регистрируемого в языке внятным формообразователем, он оказывается готовым ко всему. Максимальная ничтожность обнаруживает готовность получить требуемое – погруженность в перманентное разочарование позволяет добиваться требуемых благ. Но за счет развоплощенности человек не

испытывает сильных, пограничных ощущений от достигнутого удовольствия, поэтому он ищет удовольствия в перверсивных практиках, обещающих больший резонанс с невротическим я. А упомянутый резонанс не существует в силу того, что он также носит декларативный характер, являясь всего лишь вариантом, полярным обычной парадигме получения наслаждений.

Невротик способен получить требуемое удовольствие, но его практическая несущественность, его раздутое желание сверхбытия самого я, помноженное на паническую боязнь действия и ответственности, результирует в перверсивность практик получения удовольствия, которого он ищет. Невротическое общество способно воспользоваться наслаждением, но не способно им обладать, потому что платит за него страшную цену – получая его, оно лишается возможности его прочувствовать и пропустить через себя на уровне безусловного восприятия.

Примечания

1. *Барт Р.* Нулевая степень письма // Семиотика. М.: Радуга, 1983.
2. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. М.: Студия Ардис, 2005.
3. *Браун Дж.* Психология Фрейда и постфрейдисты. М.: Рефл-бук, 2007.

Е. В. Биричева
УрГУ им. А. М. Горького

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ «КАРТИНЫ МИРА» В РАМКАХ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Современный субъект, существующий в мире высоких технологий, вынужденный ориентироваться среди огромных потоков информации, теряется в этом глобальном плюрализме и, как результат, начинает утрачивать свою целостность, гармоничность, однозначность. Эта тенденция – характерный симптом современного «общества раздробленных индивидов» (З. Бауман), который, помимо социальной и культурной сферы, захватывает научный и философский дискурсы, противопоставляя и бесконечно дробя их на разрозненные части. Тогда можно ли в контексте неклассической рациональности говорить о той или иной «картине мира»,